stafmonyms, sindrivanionyms, is motivated by perpetuating the memory of the victory of the French army as part of the Allies on the territory of Russia, of historical events connected with Russian-French cooperation, of great Russian dignitaries, political figures, cultural and scientific figures of Russia.

Key words: anthroponym, gephyronym, hodonym, linvocultural code, onymic code, urbanonym, choronym.

НАЗВАНИЯ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В АССОЦИАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАРОДНОЙ ЗАГАДКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Григорьева Евгения Андрияновна,
аспирант кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, Россия
Борисова Людмила Валентиновна,
доктор филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка и литературы,
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»,
г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу русских и чувашских загадок, репрезентирующих концепт «головные уборы». В ходе исследования установлено, что в сравниваемых языках метафорический перенос осуществляется либо по внешнему сходству с предметом (форма, цвет), либо по сходству выполняемых функций. В результате сопоставительно-семантического анализа языкового материала выявлены как универсальные особенности репрезентации головных уборов, так и национально-специфические черты, обусловленные различием русской и чувашской культур.

Ключевые слова: вторичная номинация, головной убор, загадка, концепт, метафора, языковая картина мира.

Загадка является одним из жанров устного народного творчества и представляет собой короткое иносказательное изречение. В основе любой загадки, как отмечают исследователи, лежит принцип вторичной (непрямой) номинации, «состоящий в преднамеренно иносказательном обозначении объекта, сознательном употреблении такого именования, которое указывает на объект номинации не прямо, а опосредованно, описывает его вуалированно» [Орлова, 2023, с. 90-91]. Загадкам свойственна поэтизация, метафоричность и наличие широкого ассоциативного пространства, что позволяет назвать их репрезентантами определенных концептов.

В парадигме господствующего антропоцентрического языкознания структурно-семантическое исследование концепта «головные уборы» на материале народных загадок в контексте национальных языковых картин мира представляется весьма перспективным, поскольку традиционные народные загадки, так же как и пословицы и поговорки, являются хранилищем культурных смыслов и представлений. Опираясь на данный факт, мы можем заключить, что сопоставительно-семантический анализ русских и чувашских загадок,

содержащих в своей основе метафоры, репрезентирующие концепт «головные уборы», позволит выявить особенности языковой концептуализации и категоризации мира русским и чувашским народами.

Головной убор составляет важнейшую часть материальной культуры любого этноса. Изучению репрезентативного потенциала лексем, называющих головные уборы, посвящены работы Л.В. Борисовой [Борисова, 2015; 2023], М.Л. Ковшовой [Ковшова, 2015], А.В. Тихомировой [Тихомирова, 2013] и некоторых других исследователей. Несмотря на это, анализ загадок, репрезентирующих концепт «головные уборы», в аспекте русской и чувашской языковых картин мира проводится впервые авторами данной статьи.

И в русском, и в чувашском языках наиболее частотным является метафорический перенос шапки (чув. çĕлĕк), платка (чув. тутăр), колпака (чув. калпак) на небо. Сравните русские и чувашские загадки: *Голубой платок, красный колобок / По платку катается, людям усмехается (Небо и солнце)* [Загадки, 1968], *Мăнтăр çинче мăн калпак (Тӳпе)* ‘У полного человека большой колпак (Небо)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984]. Замена в данном случае связана со сходством выполняемых функций: головной убор покрывает голову человека так же, как небо покрывает землю.

В чувашской культуре, кроме того, наиболее последовательно находит свое выражение замещение по цвету: 1) серебряные и золотые монеты (украшения на головных уборах) – звезды: *Мăн асаттен калпакĕ ылтăн кĕмĕл шăрçаллă (Тӳпе)* ‘У моего дедушки шапка украшена золотыми, серебряными бусинками (Ночное небо со звездами)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984]; 2) золотой колпак, серебряная тюбетейка – луна и солнце: *Кăнтăрла ылтăн калпак, каçпа кĕмĕл тӳпеттей (Уйăхпа хĕвел)* ‘Днем золотой колпак, вечером серебряная тюбетейка (Луна с солнцем)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984]. Подобный перенос по цвету наблюдается и в загадках, содержащих лексемы, называющие традиционно чувашские головные уборы (тухъя, хушпу). Например: *Уй тӳпинче Уйпике, кĕмĕл тухъя – пуçĕнче (Уйăх)* ‘В конце поля Уйпике, серебряная тухъя – на голове (Месяц)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984], *Асламас икĕ хĕр ӳстернĕ: пĕри ылтăн тухъяпа, тепри кĕмĕл тухъяпа (Уйăхпа хĕвел)* ‘В деревне выросли две девушки: одна в золотой тухъе, другая в серебряной тухъе (Месяц с солнцем)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984]. Отметим также, что уподобление головных уборов небесным светилам и небу связано с их расположенностью «наверху»: головные уборы носятся на голове, небесные светила и небо находятся на высоте. Сравните, как загадывается шапка (чув. çĕлĕк) в чувашском фольклоре: *Çӳлте ларап, кам çинчине каламастăп (Çĕлĕк)* ‘Сижу наверху, на ком – не скажу (Шапка)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984].

И в русской, и в чувашской языковых картинах мира представлен яркий метафорический перенос шапки (чув. çĕлĕк), шляпы (чув. шлепке), колпака (чув. калпак), платка (чув. тутăр) на верхнюю часть гриба или соцветия таких растений, как мак, подсолнух, лен. Сравните: *Мал малышок в сыру землю зашел, синю шапку нашел (Лен)* [Загадки, 1968], *В лесу на пригорке стоит Егорка в красной шапке (Гриб)* [Загадки, 1968], *Сквозь землю прошел, красну шапку*

нашел, / Шапку снял, детей спать уклал (Мак) [Загадки, 1968]; *Пĕр калпак йăшĕнче çичçĕр казак (Мăкăнь)* ‘В одном колпаке семьсот казаков (Мак)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984], *Пĕчĕкçеççĕ паттăр / Çĕр витĕр тухрĕ-тухрĕ, / Хĕрлĕ çĕлĕк тăхăнчĕ (Кăмпа)* ‘Маленький молодец / Вышел из-под земли, / Красную шапку надел (Гриб)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984], *Пуçĕ пысăк, мăйĕ çинçе, сарă пурçăн тутăр çыхнăскер (Хĕвелçаврăнăш)* ‘Голова большая, шея тонкая, одет в желтый шелковый платок (Подсолнух)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984]. Очевидно, что замещение в приведенных примерах основано на сходстве не только по форме и по функции, но и по цвету. Это же наблюдается и в русских загадках, где шапка ассоциируется с кроной деревьев: *В поле, полюшке стоят столбики, белены шапочки (Осина)* [Загадки, 1968], *Стоят столбы белы, / На них шапки зелены (Береза)* [Загадки, 1968].

Вторичная номинация лексемы «платок» в русской языковой картине мира практически отсутствует, в то время как в чувашском фольклоре представлен целый ряд метафор, связанных с данной лексемой. Так, платок (чув. тутăр) представлен в многочисленных чувашских загадках о цветах: *Пĕр майра пуçне пилĕк пурçăн тутăр çыхнă (Чечек)* ‘Женщина повязала пять шелковых платков (Цветок)’ [Чувашско-русский словарь, 1985]. Метафорический перенос в данном случае основан на сходстве по форме анализируемого головного убора с лепестками цветов, а также на сходстве выполняемых функций: лепестки покрывают сердцевину цветка так же, как платок покрывает голову женщины.

Одной из отличительных черт чувашской лингвокультуры является уподобление женских платков дням недели. Такая ассоциация обусловлена тем, что раньше у женщин было большое множество платков, разноцветных, не похожих друг на друга, сшитых из разной ткани. То же самое можно сказать и о жизни: каждый прожитый нами день не является похожим на предыдущий. Сравните чувашские загадки: *Асаннен çичĕ тутăр: улттăшĕ шурă тутăр, çиччĕмĕш хĕрлĕ тутăр (Эрне)* ‘У бабушки семь платков: шесть белых платков, седьмой красный платок (Дни недели)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984], *Кулине инкен виççĕр утмăл пилĕк шур тутăр, Кулине кашни кун пĕр тутăрне хывса пăрахать (Календарь)* ‘У Акулины триста шестьдесят пять белых платков, Акулина ежедневно снимает по одному платку (Календарь)’ [Чăваш халăх сăмахлăхĕ, 1984]. В обеих загадках доминирует ассоциация по количеству (триста шестьдесят пять платков – триста шестьдесят пять дней в году, семь платков – семь дней недели). Кроме того, в первом случае находит выражение и метафорический перенос по цвету: белые платки ассоциируются с будничными днями, красный платок – с выходным днем.

Таким образом, исследуя русские и чувашские загадки, мы пришли к выводу, что головные уборы в основном уподобляются небу, небесным светилам, а также соцветиям различных растений или верхней части гриба. В ходе анализа были выявлены национально-специфические черты чувашской языковой картины мира. Так, только для чувашской лингвокультуры характерна широкая метафоризация лексемы «платок» (чув. тутăр). В частности, данная лексема содержится в многочисленных загадках о цветах, в которых метафорический перенос основан как на сходстве по форме головного убора с

лепестками, так и на сходстве выполняемых ими функций. Кроме того, только в чувашской языковой картине мира находит яркое выражение уподобление женских платков дням недели. В обоих сравниваемых языках метафорический перенос осуществляется по внешнему сходству (форма, цвет), а также по сходству выполняемых функций.

Список литературы

Борисова Л.В. Лингвокультурологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2015. – 374 с. – ISBN 978-5-7677-2137-5.

Борисова Л.В. Репрезентация кластера «одежда» в русской и чувашской языковых картинах мира / Л.В. Борисова, А.М. Иванова, Э.В. Чуева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2023. – № 2. – С. 92-100.

Загадки / под редакцией В.В. Митрофановой. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1968. – 255 с.

Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. – Москва : Гнозис, 2015. – 368 с. – ISBN 978-5-94244-053-4.

Орлова О.С. Языковые и культурные подсказки в загадках (на материале русских народных загадок о животных и птицах) // Art Logos. – 2023. – № 1 (22). – С. 90-96.

Тихомирова А.В. Ассоциативно деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2013. – 28 с.

Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. Т. 5 Вак жанрсем / ответственный редактор Г.Ф. Юмарт. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 1984. – 352 с.

Чувашско-русский словарь / под редакцией М.И. Скворцова. – Москва : Русский язык, 1985. – 712 с.

NAMES OF HEADWEARS IN THE ASSOCIATIVE SPACE OF A FOLK RIDDLE (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGES)

Grigorieva Evgeniya Andriyanovna,
Postgraduate student of the Department of Russian Language and Literature
I. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russia
Borisova Lyudmila Valentinovna,
Doctor of Philology Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature
I. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of Russian and Chuvash riddles representing the concept "headwears". The study established that in the compared languages, metaphorical transfer is carried out either by external similarity with an object (shape, color), or by similarity of the functions performed. As a result of the comparative-semantic analysis of the language material, both universal features of the representation of headwears and national-specific features caused by the difference in Russian and Chuvash cultures were revealed.

Key words: secondary nomination, headwear, riddle, concept, metaphor, language world view.

ТРАНСФЕР ТЕКСТОВОЙ КОГНИТИВНОЙ ДОМИНАНТЫ KRIEG/ВОЙНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Э. М. РЕМАРКА

Даниленко Илья Александрович,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород, Россия,
Тёрнер Ян Патрик,
ассистент кафедры иностранных языков педагогического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета, г. Белгород, Россия,

Аннотация. В статье рассмотрено явление трансфера текстовой когнитивной доминанты. Целью работы: проследить возможные изменения в номинативном поле текстовой когнитивной доминанты. Методом когнитивно-герменевтического моделирования выявлены художественные концепты, формирующие ядро когнитивной доминанты, а также утраченные или вновь приобретённые художественные концепты.

Ключевые слова: текстовая когнитивная доминанта, трансфер знания, художественный концепт, художественный текст.

В когнитивной лингвистике основная единица текста – концепт. В рамках художественного текста информация репрезентирована в виде художественных концептов. Все многообразие «художественных концептов составляет художественную картину мира» [Тугуз, 2024, с. 107]. Важнейшей характеристикой художественной картины мира является ей фрактальность: она состоит из множества сходных по структуре авторских художественных концептов, в которых «вербализуется авторская концептуальная картина мира, при этом особенности языковой личности прямо пропорциональны особенностям ее картины мира» [Попова, 2013, с. 95].

Художественная картина мира складывается из авторских художественных концептов, но при этом, не является простой суммой их значений. Достаточно часто ряд художественных концептов, объединённых общностью идеи, формируют когнитивную доминанту. Н.Н. Болдырев выделяет два вида когнитивных доминат: общие и частные. «Общие доминанты характерны для целой группы людей, тогда как частные есть доминанты индивидуального сознания» [Болдырев, 2020, с. 32]. Основываясь на взглядах Н. Н. Болдырева, мы понимаем когнитивную доминанту как «один или несколько концептов, мыслительных картинок, схем, фреймов и сценариев, выражающих наиболее актуальное общественное явление на определенном историческом этапе развития общества [Даниленко, 2024, с. 461]. Художественные концепты могут быть объединены в иерархически более сложную структуру – текстовую когнитивную доминанту.